

Научная статья

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-3-62-7-19

РАЗОРЕНИЕ СЕЛЕНИЯ АЛИ КАРАМУРЗИНА (5 АПРЕЛЯ 1825 г.) В СВЕТЕ ОСМАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Зурбек Анзорович Кожев¹, Мехмет-Риза Кемал Чанак²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

² Анкара, Турция, gskank@gmail.com

© З.А. Кожев, М.-Р.К. Чанак, 2024

Аннотация. Хаджиреты – «беглые кабардинцы» русских источников, с последних лет XVIII в., до окончания Кавказской войны были одними из самых активных военно-политических акторов в регионе Восточного Закубанья. По условиям Ясского мира (1791 г.) все Закубанье было объявлено владением Османской империи. Массовое движение среди населения Кабарды за переселение на левобережье Кубани, в пределы Османской империи, привело к формированию новой черкесской общины – кабардинских хаджиретов, находившейся в фокусе внимания османской администрации в Анапе вплоть до ее ликвидации по условиям Адрианопольского мирного договора (1829 г.) и формального присоединения Закубанской Черкесии к России. Благодаря этому, османские архивы содержат ценные сведения, касающиеся различных аспектов военно-политических событий на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой четверти XIX в. Исторический сюжет, связанный с разорением селения Али Карамурзина 5 апреля 1825 г., хорошо известен черкесскому фольклору и описан в русской историографии. Османские источники, а именно опись имущества и количества пленников, захваченных русскими войсками при разорении селения Али Карамурзина, привлекаются впервые для исторического анализа данного события.

Ключевые слова: Закубанская Черкесия, хаджиреты, Али Карамурзин, А.А. Вельяминов, Ф.А.Бекович-Черкасский, Кавказская война, карательная экспедиция, пленные, военная добыча

Для цитирования: Кожев З.А., Чанак М.-Р.К. Разорение селения Али Карамурзина (5 апреля 1825 г.) в свете османских источников // Вестник КБИГИ. 2024. № 3 (62). С. 7–19. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-3-62-7-19

Original article

THE DESTRUCTION OF THE ALI KARAMURZIN'S VILLAGE (APRIL 5, 1825) IN THE LIGHT OF OTTOMAN SOURCES.

Zaurbek A. Kozhev¹, Mekhmet-Riza K. Zhanak²

¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

² Ankara, Turkey, gskank@gmail.com

© Z.A. Kozhev, M.-R.K. Zhanak, 2024

Abstract. The Khadzhirets – «fugitive Kabardians» from Russian sources, from the last years of the 18th century until the end of the Caucasian War were one of the most active military-political actors in the region of Eastern Trans-Kuban region. Under the terms of the Peace of Jassy (1791), the entire Trans-Kuban region was declared as the possession of the Ottoman Empire. The mass movement among the population of Kabarda for resettlement to the left bank of the Kuban, within the Ottoman Empire, led to the formation of a new Circassian community – the Kabardian Khajirets, which was the focus of attention of the Ottoman administration in Anapa until its liquidation under the terms of the Treaty of Adrianople (1829) and the formal annexation of Trans-Kuban Circassia to Russia. Thanks to this, Ottoman archives contain valuable information concerning various aspects of military-political events in the North-West Caucasus at the end of the 18th – first quarter of the 19th century. The historical plot associated with the destruction of the Ali Karamurzi's village on April 5, 1825 is well known to Circassian folklore and described in Russian historiography. Ottoman sources, namely the inventory of property and the number of prisoners captured by Russian troops during the destruction of the Ali Karamurzi's village, are used for the first time for the historical analysis of this event.

Keywords: Trans-Kuban Circassia, khadzhirets, Ali Karamurzi, A.A. Velyaminov, F.A. Bekovich-Cherkassky, Caucasian War, punitive expedition, prisoners, war booty

For citation: Kozhev Z.A., M.-R.K. Zhanak. The Destruction of the Ali Karamurzi's Village (April 5, 1825) in Light of Ottoman Sources. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 3 (62): 7–19. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-3-62-7-19

Вся история вековой Кавказской войны полна трагических эпизодов и кровавых сюжетов. Среди них особое место занимает история разорения селения кабардинского князя Али Карамурзина, располагавшегося в долине Большой Лабы, на ее левом берегу у Ахмет-горы. Это событие произошло ранним утром 5 апреля 1825 г. по юлианскому летоисчислению [Потто 1994: 458–464; Утверждение 1904: 191–195]. Ему посвящена одна из наиболее известных в черкесской устной традиции народных песен «Лабэдэсхэм я тхьэусьхэ» или «Лабэдэсхэм я гьыбзэ» («Сетования лабинцев», «Оплакивание лабинцев») [Народные песни 1990: 242–265; Адыгские песни 2014: 99–109]. Черкесское общественного сознания оказалось сфокусировано на этом сюжете не только из-за масштаба трагического события, поразившего современников. И до него и после в ходе Кавказской войны происходили сотни подобных и даже более масштабных по числу участников событий и жертв кровавых эксцессов. В истории разорения селения Али Карамурзина, как в капле воды, отражаются общие закономерности и органические особенности процесса покорения Кавказа Российской империей и тех методов, которые использовались для подавления сопротивления наиболее нелояльных групп населения. Кроме того, как это часто бывает в истории, событие, которому повезло с творческим, поэтическим осмыслением и отражением в ярких культурных формах, приобрело роль мощного фактора, аккумулирующего национальную историческую память.

Сюжет, связанный с подготовкой и реализацией уничтожения селения Али Карамурзина – одного из лидеров хаджиретского движения в Восточном Закубанье в 10–20-х годах XIX в., имеет достаточно скудную историографию. Фактически мы имеем две редакции единственного текста за авторством одного из ранних историографов Кавказской войны – начальника Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, военного историка, генерала от кавалерии Василия Александровича Потто. Первый вариант описания разорения селения Али Карамурзина был включен им в пятитомный сборник «Кавказская война», изданный в 1887–1889 гг. [Потто 1994: 458–464]. Это издание имело характер научно-популярной военной беллетристики со всеми родовыми пороками данного жанра. В 1904 г. история о разорении селения Али Карамурзина, дополненная и переработанная автором в сторону большей ориентализации повествования, даже с использованием опубликованных черкесских устных преданий, вошла в качестве небольшого сюжета во вторую часть третьего тома коллективной работы «Утверждение русского владычества на Кавказе» [Утверждение 1904: 191–195].

Недостатки и прямые противоречия официальной историографической версии разорения селения Али Карамурзина, изложенной В.А. Потто, с фактологической канвой событий, с прозаическими и поэтическими текстами черкесских преданий, были подробно рассмотрены В.Х.Кажаровым в специальной статье «Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны» [Адыгские песни 2014: 62–72].

Действительно, даже с точки зрения дилетанта в военном деле, не знакомого с реалиями Кавказской войны, тексты В.А. Потто не выглядят убедительно. Уважаемый автор, очевидно, пытается снять ответственность с высшего военного командования за многочисленные жертвы среди мирного населения и полное уничтожение крупного населенного пункта, рисует картину спонтанно возникшей ситуации, объективные условия развития которой привели к трагическим последствиям. При этом, особый акцент делается на то, что регулярные войска и сам А.А. Вельяминов, возглавлявший экспедицию, непосредственного участия в погроме селения Али Карамурзина участия не принимали. Пространные выдержки из обеих редакций текстов В.А. Потто, посвященных данному сюжету, не оставляют сомнений в этом:

«Первого апреля 1825 года значительный отряд из трех батальонов пехоты и двух линейных казачьих полков, Кубанского и Кавказского, при восемнадцати орудиях пешей и конной артиллерии, под командой самого Вельяминова, переправились через Кубань у Прочного Окопа ... Цель похода была захватить беглые кабардинские аулы князя Али Кара-Мурзина, богатейшего и влиятельнейшего из кабардинских владетелей, дерзко расположившего свои аулы около плоскости, недалеко от русских границ, как вечную для них угрозу ... Четвертого числа отряд перешел Лабу и стал на ней лагерем. Вельяминов отрядил полковника князя Бековича-Черкасского с линейными казаками вперед – подобрать баранту, которая должна была оставаться после беглых кабардинцев, и узнать, верен ли слух о побеге Кара-Мурзина с его аулом в горы». [Потто 1994: 458] Во второй, более полной редакции истории о разорении селения Али Карамурзина В.А. Потто ввел сюжет о ложном известии, принесенном А.А. Вельяминову русским лазутчиком, бесленеевским дворянином Крым-Гиреем Докшоковым. Последний, якобы сообщил русским о бегстве карамурзинцев с целью спасти их от истребления, но другой лазутчик по фамимлии Шавгуров оправился на разведку и разоблачил его ложь, подтвердив, что «аул стоит на месте» [Утверждение 1904: 192].

В первой, более ранней редакции сюжета о разорении селения Али Карамурзина вся история представлена как неожиданный результат действий авангарда русского отряда во главе с Ф.А. Бековичем-Черкасским:

«Бекович переправился через Лабу верстах в десяти ниже отряда и сразу наткнулся на большой конский табун. *Пастухи были допрошены и сообщили, что аул Кара-Мурзина стоит еще на месте, не дальше как в двадцати верстах* (курсив наш – Ред.), что кабардинцы всю ночь не спали, ожидая нападения русских, но слыша, что отряд все еще стоит на Чамлыке, они совершенно успокоились – и теперь, вероятно, спят» [Потто 1994: 458].

Вне зависимости от того, кто принес последние известия, уточнявшие местоположение цели экспедиции, размеры селения Али Карамурзина не могли быть неизвестны русским лазутчикам и плененным табунщикам. Но В.А. Потто продолжает свое повествование в духе русской военной беллетристики XIX в.: «Бекович послал сказать Вельяминову, что он идет вперед, и просил пехоты. Вельяминов немедленно двинул за ним батальон и послал приказание обложить аул и держать его в блокаде до прибытия главных сил (курсив наш – Ред.). Приказание это не поспело вовремя, не поспел и батальон. Казаки управились без пехоты и пушек.

Дело в том, что, отправив к Вельяминову известие, Бекович не мог не подумывать, что как бы не торопилась пехота, она раньше, чем через пять часов, подойти

не может, а между тем настанет день – и неприятель или уйдет, или успеет подготовиться к обороне. Очевидно, следовало пользоваться выгодами внезапного нападения, и Бекович решил произвести его с одними казаками. Предприятие было не легкое. Самому Бековичу было известно, что аул большой, домов в сорок, что Кара-Мурзин один из храбрейших наездников, славившийся по всему Закубанью, что при нем большая часть лучших узденей его – цвет беглой Кабарды. А в распоряжении Бековича было только триста пятьдесят линейных казаков» [Потто 1994: 458–459]. По пути к своей цели отряд Ф.А. Бековича-Черкасского прошел узкое лесистое дефиле, где якобы «...сотня черкесов могла бы остановить тысячи войск» [Потто 1994: 459]. То есть, в первой редакции истории В.А. Потто берется утверждать, что Ф.А. Бекович-Черкасский либо позволил себе проигнорировать прямое указание командира, либо не получил его, а сразу решил действовать на свой страх и риск «с одними казаками». Во второй редакции описания экспедиции А.А. Вельяминова автор уже прямо проговаривается, что отправка двух полков линейных казаков в качестве авангарда с целью блокировать аул и предотвратить его бегство до подхода регулярной пехоты было прямой инициативой командующего экспедицией: «Вельяминов в ту же ночь (получив точные сведения от лазутчика Шовгурова – *Ред.*) двинул вперед всех линейных казаков под начальством князя Бековича-Черкасского, приказав ему как можно скорее обложить аул и держать его в блокаде до прибытия пехоты. Предприятие было не легкое. В распоряжении Бековича в обоих полках находилось только 350 казаков, а путь был кружной и далеко не безопасный, так как предстояло проходить мимо бесленевских аулов, раскинутых по скатам горы Ахмет. Вельяминов сам сознавал трудность предприятия, а потому вслед за казаками двинул остальные войска форсированным маршем (курсив наш – *Ред.*). Но как ни торопился отряд, он все-таки не поспел во-время – казаки управились одни без пехоты и пушек» [Утверждение 1904: 192–193].

Таким образом, не то, что штурм и разорение, но даже проход через бесленевские владения и блокада хаджиретского селения силами исключительно двух казачьих полков рассматривалась командованием как рискованная операция. Однако автор, увлеченный повествованием, позволяет себе совершенно абсурдные утверждения о впечатлениях и самом главном действии казачьего авангарда во главе с Ф.А. Бековичем-Черкасским: «Поднявшись на последний уступ, они увидели аул. Отряд остановился в недоумении. Перед ним был *не простой аул в тридцать-сорок хижин, как рассчитывали найти его, а целый город, в котором было не менее двухсот укрепленных домов, мрачно смотревших своими узкими амбразурами, заменявшими окна.* Отступать, однако, было уже поздно. Позади бесленевцы, впереди огромный аул, который вот-вот проснется; и теснина, пройденная с таким трудом, сделалась бы могилой храброго отряда. Объехав ряды казаков, он под страхом смертной казни запретил им грабить прежде, нежели кончится бой, и пустил их с места карьером (курсив наш – *Ред.*) ... Начался беспощадный приступ, казаки зажгли дома – и население гибло в пламени» [Потто 1994: 459]. Иными словами, даже после многократной проверки разведанных лазутчиков, опроса пленных табунщиков о дислокации селения Али Карамурзина, его размеры, а следовательно мобилизационные ресурсы и потенциал резистентности, оказались для нападающей стороны полной неожиданностью! Как лазутчики могли спутать селение в 30–40 «хижин» с «городом» в 200–250 домов, читателю остается только гадать [Потто 1994: 459; Утверждение 1904: 193]. Мало того, Ф.А. Бекович-Черкасский вместо того, чтобы блокировать подступы к аулу, который оказался многократно больше и многолюдней чем ожидалось и дожидаться подхода регулярной пехоты с артиллерией, решил атаковать спящее в предрассветный час селение в конном строю силами иррегулярной кавалерии (*sic!*), даже не удосужившись спешить своих казаков! Оба утверждения не выдерживают критики. Не за то платил

А.А. Вельяминов своим лазутчикам, чтобы его войска сталкивались с подобным обманом, скрыть который от начальства Шовгуров и подобные ему не могли, и он стал бы очевиден уже в ходе экспедиции. То, что увидели казаки ранним утром 5 апреля 1825 г., русские лазутчики могли разглядеть и раньше, и лучше. А попытка атаковать в конном строю силами иррегулярной конницы большое укрепленное селение, прямо противоречит всем армейским уставам и должна было иметь самоубийственные последствия. Гипертрофированная оценка мотивированности и боеспособности кавказского линейного казачества мало соответствует реалиям Кавказской войны. Казаки, как и всякая иррегулярная кавалерия, были незаменимы для разведки, осуществления дозорной и вестовой службы, преследования разбитого неприятеля, но в качестве штурмовых отрядов использовались лишь в самой крайней нужде. Пример этому приводит сам В.А. Потто, описывая штурм и разорение другого селения – чеченского аула Дада-Юрт, произошедший 15 сентября 1819 г. Целью данной акции, по свидетельству В.А.Потто, было устрашение чеченцев-качкалыкковцев и принуждение их к переселению за Сунжу, подальше от передовых укреплений и постов строившейся Сунженской линии [Потто 1994: 96–103]. В штурме Дада-Юрта принимали участие шесть рот Кабардинского полка, 700 казаков и пять орудий под командованием генерала Сысоева. Сопrotивление чеченцев, которые имели время подготовиться к защите, было настолько ожесточенным и результативным, что русский отряд смог выполнить поставленную перед ним задачу с большим трудом: «Потери с обеих сторон быстро увеличивались. *Пришлось наконец спешить большую часть казаков, чтобы послать их на помощь к Кабардинским ротам* (курсив наш – Ред.), и, несмотря на то, ужасное побоище длилось еще несколько смертных часов. Аул был взят окончательно только тогда, когда истреблены были поголовно все его защитники». [Потто 1994: 99–100]. То есть казаки, которые составляли почти половину русского отряда, по свидетельству самого В.А. Потто, были спешены и отправлены в бой только в силу крайней необходимости, после понесенных штурмовой пехотой потерь. Еще более характерна подсознательная оценка русским генералом возможной роли казаков в качестве штурмовых частей когда он оценивает потери царских войск: «Потеря с русской стороны была также весьма значительная; *...из строя выбыло десять офицеров и около двухсот двадцати нижних чинов, то есть более четверти всего отряда* (курсив наш – Ред.)» [Потто 1994: 100]. Шесть рот Кабардинского полка даже неполного штатного состава, что является общим правилом для частей действующей армии, должны были составлять не менее 700–800 человек. То есть В.А.Потто, оценивая потерю десяти офицеров и двухсот двадцати нижних чинов более чем в четверть отряда, фактически не учитывает в своем расчёте 700 казаков, которые были в составе экспедиции, но никак не в качестве штурмовых частей.

Пафос повествования В.А. Потто достигает максимума при описании самого боя среди подожженных казаками домов хаджиретского селения и его результатов, но даже тут автор позволяет себе явные противоречия: «После боя во многих местах аула находили слитки золота и серебра. Добыча была вообще огромная. Казаки захватили до четырех тысяч голов скота и лошадей. В плен было взято только сто тридцать девять душ, все остальное население погибло или в бою, или в пламени. *Линейцы собрали и похоронили пятьсот семьдесят трупов, но по свидетельству самих кабардинцев одних убитых между ними было более тысячи человек* (курсив наш – Ред.). Никогда еще кабардинцы не терпели такого страшного поражения, нанесенного столь ничтожной горстью людей» [Потто 1994: 460]. То есть, по словам В.А. Потто, казаки Ф.А. Бековича-Черкасского не только разгромили и уничтожили селение противника, захватили огромную добычу и 139 пленных, но среди развалин и пожарища разоренного ими аула, не опасаясь ответных действий соседних хаджиретских и бесленеевских селений,

которые как минимум могли занять тесное горное дефиле и преградить отступление русского отряда, стали собирать и хоронить тела погибших жителей разоренного ими селения! Очевидное несоответствие этой детали реалиям Кавказской войны и общей логике повествования вынудила В.А. Потто убрать из второй редакции текста упоминание о захоронении казаками 570 трупов карамурзинцев и ограничиться оценочными данными со ссылкой на свидетельство самих жертв экспедиции А.А. Вельямина: «Сами кабардинцы свидетельствуют, что ими собрано и погребено было более тысячи тел» [Утверждение 1904: 193]. Для того, чтобы оттенить какими малыми силами и с минимальными жертвами одержана столь решительная победа, автор тут же добавляет: «У казаков два человека было убито и один ранен» [Утверждение 1904: 193].

Сам А.А. Вельямин с регулярной пехотой и артиллерией, по словам В.А. Потто, якобы даже не дошел до места боя казаков Ф.А. Бековича-Черкасского с кабардинцами: «Через несколько часов после погрома подошли к аулу на помощь триста кабардинцев из аулов князей Джамбулата Кайтукина и Кучука Аджи-Гиреева; но было уже поздно – князь Бекович успел миновать страшную теснину и был в безопасности. Вельямин с пехотой дошел только до горы Ахмет и, получив здесь известие об удачном деле Бековича, возвратился назад» [Утверждение 1904: 195]. Однако и сам А.А. Вельямин, и цитирующий его рапорт вышестоящему начальству В.А. Потто прямо проговариваются об обратном: «Кто не был сам на месте пепелища (курсив наш – *Ред.*), – писал А.А. Вельямин А.П. Ермолову, – тот почитает сказкою, чтобы 350 казаков, могли пройти через такие неприступные места и сделать такое страшное опустошение» [Утверждение 1904: 193]. Вероятно А.А. Вельямину было легко поверить в реальные обстоятельства и результаты разгрома селения Али Карамурзина, так как он все лично спланировал, организовал и видел своими глазами. Но официальная версия событий, отраженная в рапорте А.А. Вельямина, исключая участие регулярной пехоты и артиллерии в штурме селения Али Карамурзина, действительно имела фантастический оттенок, что было очевидно уже тогда. Долгое время в российской историографии повествование В.А. Потто воспринималось совершенно не критически. Хотя с 30-х годов XX в. были введены в научный оборот оригинальные тексты и переводы устных преданий, народных историко-героических песен, касающихся гибели селения Али Карамурзина и прямо противоречивших версии официальной историографии:

Джаурыжь гушэм фэ фи топ щхьуэнІгэжь гушэм
Ахъмэтыбг гушэр кьыдегъэпсалэ

Джауры недобрые, вашим пушкам зеленым, большим
Ахмет-гора эхом отвечает [Народные песни 1990: 245]

Джаурыжьмэ дышратыжмэ,
Драгуныжьхэм драджэгуэгъут.
Сабий бынурэ кьэмыгэджахэри,
Фоч пащІэкІэ кьыщагъэльэтыр

Джаурам недобрым нас, когда отдали,
Драгуны мерзкие нами забавляются.
Детей малых, что с постели еще не встали,
Штыками вскакивать заставляют

[Народные песни 1990: 261–262, 264–265]

То есть черкесская устная традиция прямо фиксирует участие в разорении селения Али Карамурзина главной и самой боеспособной части экспедиционного

отряда А.А. Вельяминова – артиллерии и регулярной пехоты. В своей статье «Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны» В.Х. Кажаров подверг блестящему анализу и критике официальную версию событий А.А. Вельяминова, изложенную в трудах В.А. Потто [Адыгские песни 2014: 62–72]. Мы полностью разделяем общие выводы автора, касающиеся участия в деле артиллерии и регулярной пехоты: «...350 казаков не могли в течение 2-х часов уничтожить все село, являвшееся по словам Потто, «целым городом», убить свыше одной тысячи человек, отбить скота и лошадей свыше 4-х тысяч голов, взять в плен 139 души и при этом безнаказанно уйти от подошедших к аулу на помощь трехсот кабардинцев. Все это было под силу только регулярным войскам, возглавляемым Вельяминовым, причем в гораздо большем количестве, чем это отмечено в книге Потто. Именно они, окружив со всех сторон село и блокировав все возможности как отступления жителей, так и помощи им извне, занимались его планомерным уничтожением, пленением оставшихся в живых, захватом, (совместно с казаками) имущества, дележом добычи и т.д.» [Адыгские песни 2014: 71].

Мы не подвергаем сомнению факт участия в разгроме селения Али Карамурзина русской регулярной пехоты и артиллерии, весьма убедительно доказанный В.Х. Кажаровым. Но остается без ответа еще один важный, на наш взгляд, вопрос. Что же на самом деле представлял из себя аул Али Карамурзина – «город» в 200–250 домов или скопление 30–40 «хижин»? Статья В.Х. Кажарова никак не интерпретирует этого противоречия в официальной версии, а автор, подвергая сомнению факт неучастия в финальной стадии карательной акции против хаджиретов частей регулярной армии, принимает на веру многократно увеличенную оценку размеров селения Али Карамурзина в рапорте А.А. Вельяминова. Вопрос о демографических параметрах хаджиретского селения, уничтоженного 5 апреля 1825 г., вопрос далеко не праздный для оценки планировавшихся и фактических результатов экспедиции, их адекватности общепринятым нормам военной культуры XIX в., реальных методов ведения Кавказской войны и т.д.

Для удовлетворительного ответа на данный вопрос, до перехода к анализу конкретных архивных документов, не лишне привести ряд репрезентативных источников, описывающих стандартные демографические параметры черкесских селений-къяужэ в XVIII – первые десятилетия XIX в. Во-первых, мы позволим себе пространную цитату из «Путешествия по Кавказу и Грузии» Г.Ю. Клапрота, который в 1808 г. посетил Кабарду и оставил подробный перечень селений двух ее уделов – Талостанея и Джиляхстанея:

«У самой южной точки подножия Главного Кавказского хребта лежат деревни Эльмурзина и Борукина; первая у ручья Хиттегибс, который впадает в Ордан (на языке осетов Ар-Дон – Бешенная река), вторая у Пога или Фиага, который у русских называется Фок или Фока (Фиагдон – *Ред.*).

Самая западная деревня – Анзори у Лескена, у северного подножия северного гребня. Это три самых больших деревни, каждая из которых насчитывает, вероятно, около пятисот семей. На восточном берегу Терека лежат напротив Татартупа три деревни, две из которых удалены друг от друга едва ли на пятьсот шагов. Самая южная из них называется Туфарта (Тузарово – *Ред.*), а северная Елтуха (Елтухово – *Ред.*). Третья, удаленная от них на двадцать верст к северу, называется Кукулдуквехе (Коголкино – *Ред.*). Каждая из них насчитывает, пожалуй, около восьмидесяти семей.

У ручья Бдайя, начиная от истока вниз на шесть верст, лежат восемь деревень Шалох, находящихся друг от друга на одинаковом расстоянии.

В среднем каждая из них насчитывает по сорок семей; таким образом здесь живут около 320 семей. Недалеко от ручья Бдайя, двумя верстами севернее, лежит деревня Пшиткау, и еще двумя верстами дальше – деревня Дюшнога; каждая из них насчитывает по сорок семей.

Еще четыре версты севернее, лежит у Акбаша деревня Кумдекватше, примерно на сто семей, и она является самой северной.

У подножия южных гребней лежат у ручья Асокай три деревни, удаленные друг от друга на две версты и насчитывающие каждая по пятьдесят семей.

И, наконец, у ручья Яманкул расположены по обеим сторонам большие деревни Боташова, в которых вместе насчитывается около 300 семей; они являются самыми восточными в округе Тау-Султан (Талостаней – *Ред.*).

Таким образом, население до последнего времени насчитывало около 2690 семей, теперь (т.е. после многолетней эпидемии чумы начала XIX в., кратно сократившей население Кабарды – *Ред.*), оно, должно быть, уменьшилось вдвое». [АБКИЕА 1974: 276–277].

Три огромных «деревни» по 500 семей – «Эльмурзина ... Борукина, Анзори» упомянутые Г.Ю. Клапротом, казалось бы, демонстрируют огромные размеры некоторых кабардинских селений. Однако при сопоставлении их с «Описанием населенных мест Большой и Малой Кабарды» геодезиста С. Чичагова, составленной в 1744 г., а также пояснениями к ней кабардинских послов, собранных в Коллегии иностранных дел в ноябре 1753 г., оказывается, что это были своеобразные агломерации феодальных вотчин-кьуажэ тесно связанных между собой владельцев. «Деревне Эльмурзина» соответствует «пять деревень Али-мурза на вершине речки Ордана», принадлежавшие Алимурзе Анзорову; «Борукина» – «пять деревень Анзор, на ручье, впадающем в Ордан», принадлежавшие Бороке Анзорову (Борукьусей – *Ред.*); «Анзори» (Анзорей – *Ред.*) – «девять деревень называются Анзоровы», которые в середине XVIII в. локализовывались севернее, на Тереке, а не «у Лескена», как в 1808 г. в бытность Г.Ю.Клапрота на Кавказе [КРО 1957b: 114–115, 196]. Несмотря на территориальную близость и фамильную связь феодальных владельцев многочисленного клана первостепенных дворян-глекотлешей Анзоровых, их вотчины-кьуажэ представляли собой самостоятельные единицы социальной иерархии Талостанея. Как и «восемь деревень Шолох» – непосредственный домен князей Талостановых, сгруппированный на протяжении шести верст по течению ручья Бдайя. Хотя на ландкарте Кабарды 1744 г. княжеский домен Талостановых также был зафиксирован как одна единственная «деревня Шолох» [КРО 1957b: 114, 196]. Нестабильность локализации и изменчивость названий черкесских селений отмечается Г.Ю. Клапротом как их характерная особенность: «Приведенные названия деревень так же непостоянны, как их положение, название дается обычно по имени главной семьи, которая владеет деревней, а чаще они названы по особым именам самого старшего из узденей, после смерти которого деревня называется по имени его наследника. Положение деревни еще более непостоянно, так как через несколько лет, по мере того как истощаются поля и вырубаются леса, деревни переносятся на другое место» [АБКИЕА 1974: 277]. Если учесть, что в трех агломерациях феодальных вотчин-кьуажэ только Анзоровых были сосредоточены 19 сел, всего в Талостанею на начало XIX в. по оценке Г.Ю. Клапрота было 2690 семей, сгруппированных в 38 селений, что дает в среднем 70 семей на одну вотчину-кьуажэ. Из 38 селений Талостанея только в тринадцати было 100 и более семей. Однако чума, как свидетельствует Г.Ю. Клапрот, в два раза уменьшила население Кабарды и демографические параметры вотчин-кьуажэ.

Описание Г.Ю. Клапротом селений Джилыхстанея гораздо менее детально, но дает во многом сходную картину стандартных демографических параметров кабардинских вотчин-кьуажэ: «Ко второму округу Малой Кабарды, который называется Шлахстан (Джилыхстаней – *Ред.*), принадлежит только одна главная деревня, называемая черкесами также Шлахстан с несколькими соседними поселениями, которая находится у ручья Пседах с северо-восточной части южного гребня. В ней живут княжеские семьи Ахлау и Мудар со своим окружением, а всего в ней насчитывается около пятисот семей (курсив наш – *Ред.*) [АБКИЕА 1974: 277].

Населенные пункты Джиляхстаная в середине XVIII в. располагались гораздо восточнее, по среднему течению Сунжи и ее притокам – Назрани и Эндерипсу. Это были два княжеских и тринадцать дворянских селений [КРО 1957b: 115, 196]. То есть в начале XIX в. остатки 15 вотчин-кьуажэ Джиляхстаная, вытесненные соседними горцами из долины Сунжи в излучину Терека, составляли 500 семей, объединенных в одну агломерацию, что дает в среднем 33–34 семьи на селение. Сам Г.Ю. Клапрот, давая общую характеристику размерам и пространственной организации черкесских поселений писал в своей работе: «Сорок или пятьдесят домов, обычно расположенных вкруг, образуют селение, по-черкесски – «куадже», по-татарски «кабак», в середину которого на ночь загоняют скот, а в случае нападения туда помещают всех неспособных носить оружие» [АБККЕА 1974: 267].

Первый черкесский историограф, Султан Хан-Гирей, также идентично оценивал средние демографические параметры селений Княжеской Черкесии: «Находясь в отдаленности, не имел я возможности удовлетворительно пополнить материалы, прежде мною собранные относительно населенности Черкесии, почему и счел за лучшее представить народонаселение этой страны в виде уменьшенном противу мнения лиц, уже писавших об этом предмете, и других, может быть, преувеличенных известий ... Показано в аулах княжеских владений по 40 ... дворов или семей, а в семье по 5 душ обоего пола круглым числом» [Султан Хан-Гирей 2009: 75–76]. Численный состав двора или семьи Хан-Гирей предполагает минимальный – всего 5 человек, но средняя численность дворов в феодальной вотчине-кьуажэ у него совпадает с репрезентативными данными Г.Ю. Клапрота, собранными в Кабарде в первом десятилетии XIX в. То есть, не отрицая существования в Кабарде крупных селений-кьуажэ в сто и более дворов и даже их агломераций, мы, основываясь на синхронных письменных источниках и данных авторитетных авторов, вправе предположить, что размер в 40–50 дворов был для черкесских феодальных вотчин скорее правилом, чем исключением.

Собственно, на этом предварительные рассуждения можно завершить и перейти к анализу весьма интересного документа, датированного 30 авг. 1825 г. Это письмо от османского двора правительству Российской империи с очень красноречивым вступлением: «Этим документом о количестве захваченных (начиная) с месяца мухаррам 1237 (11.10.1821) до конца 1240 (14.08.1825) Россией у черкесов вторжениями многочисленных войск пленных, похищенного скота, имущества, обращенного в добычу, извещаем Вас» [ДГАОА. Нат-1104-44592-А]. Отрывочные данные из этого документа использовались ранее в двух публикациях на русском и турецком языках, но комплексный его анализ с целью определить демографические параметры селения Али Карамурзина предпринимается впервые [Мирзоев, Чанак 2022: 77; Janak 2022: 136–137].

В период с 1791 по 1829 гг. Закубанская Черкесия по русско-турецким договорам формально входила в состав Османской империи. После присоединения Крыма к России в 1783 г. вплоть до русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского договора центром османского военно-политического и административного присутствия в Северном Причерноморье была крепость Анапа. Формально османская администрация отвечала за безопасность русско-турецкой границы по Кубани от нападений черкесов. В перерывах между русско-турецкими войнами османская администрация пыталась дипломатическими методами защищать черкесское население от экспедиций войск Отдельного Кавказского корпуса, которые вели напряженную приграничную борьбу с черкесами, в том числе и кабардинскими хаджиретами, которые ушли из занятой русскими Кабарды за Кубань, под покровительство султана. Военные экспедиции русских войск против закубанских черкесов формально нарушали права на безопасность и собственность османских подданных. Поэтому султанское правительство через свою администрацию в Анапе старалось собирать самые подробные данные по таким инцидентам

и предъявлять правительству России официальные требования о возмещении понесенного ущерба. Письмо от 30 авг. 1825 г. представляет собой обширный список черкесских селений, пострадавших за четырёхлетний период от нападений русских войск. В их числе упоминается и селение Али Карамурзина с подробным исчислением всего захваченного войсками имущества и пленных:

«Кабардинский бек Карамурза Заде Али принял мученическую смерть. Его семья и жена были взяты в плен. Потери села:

Пленных людей – 169;

Подушка – 30 шт. 150 курушей*;

Сундук – 40 шт. 2000 курушей

Медный казан – 40 шт. 1400 курушей

Жеребцы и кобылы – 670 шт. 167500 курушей

Крупный рогатый скот – 10500 шт. 10500 курушей

Кольчуга – 20 шт. 45000 курушей

Налокотник – 20 шт. 5000 курушей

Меч (очевидно, сабель и шашек – *Ред.*) – 25 шт. 12500 курушей

Пистолет – 30 шт. 3750 курушей

Шлем – 6 шт. 12000 курушей

Овцы – 4000 шт. 24000 курушей

Одеяла – 150 шт. 3250 курушей

Меховой кафтан (видимо шубы – *Ред.*) – 6 шт. 2750 курушей

Утверждается, что общая стоимость этих товаров составляет 241150 курушей» [ДГАОА: Нат. 1104-44592-А].

Этот документ не безупречен хотя бы потому, что суммарная стоимость захваченного имущества карамурзинцев – 289800 курушей, получаемая при сложении всех указанных сумм намного (почти на 20%) больше указанной в документе итоговой суммы в 241150 курушей. Однако он не оставляет сомнений в реальных демографических параметрах селения Али Карамурзина на момент его уничтожения. Этот список не является детальной описью имущества, составленной в спокойной обстановке. Селение было уничтожено, уцелевшие жители и имущество захвачены в качестве добычи, но итоговый документ мог быть составлен только со слов информаторов из числа самих черкесов, которые хорошо представляли порядок цифр, и к тому же не были заинтересованы в их намеренном занижении. Наиболее репрезентативной для оценки численности дворов в селении Али Карамурзина, на наш взгляд, является указанное число медных котлов и предметов вооружения. Сорок медных котлов задают предельную верхнюю рамку численности дворов в вотчине-къуажэ Али Карамурзина, потому что без этой обыденной вещи немислимо простое функционирование и жизнеобеспечение отдельной семьи-домохозяйства. Вряд ли более трети из примерно 40 дворов карамурзинцев могли быть представителями дворянского сословия. Судя по числу и качественному составу захваченного в селении оружия эти 12–13 дворов и могли выставить до 20–25 профессиональных воинов, обладавших защитным комплектом (кольчуга и налокотники), длинноклиновым оружием, одним или парой пистолетов. Мобилизационный ресурс вотчины-къуажэ Али Карамурзина коррелирует как со средними показателями по другим кабардинским аулам из синхронных источников, так и с данными середины XVII в. «Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века» содержат подробную перепись всех представителей военно-служилого сословия мужского пола в Кабарде на 1825 г. Число мужчин дворянского сословия на селение (от малолетних детей до стариков) колеблется от нескольких человек до двух-трех десятков, редко выходя за эти параметры [Материалы 1986: 8–264]. По детальным оценкам в русских архивных

* *Куруш* – основная денежная единица Османской империи. В нач. XIX в. – монета с содержанием серебра примерно в $\frac{1}{4}$ серебряного русского рубля.

документах середины XVII в. мобилизационного ресурса всех княжеских уделов Кабарды, в среднем в Идарее на одно селение приходилось 16 человек, в Талостане – 17–18 человек, а в Казыевой (будущей Большой Кабарде) – более 20 воинов-уорков – «узденей» русских источников [КРО 1957а: 385–387]. То, что В.А. Потто пафосно называет «большей частью лучших узденей» Али Карамурзина, «цветом беглой Кабарды» было двадцатью-двадцатью пятью профессиональными воинами феодальной эпохи, не имевшими ни одного шанса на успех в прямом столкновении с отрядом А.А. Вельяминова. Общую численность карамурзинцев можно определить лишь оценочно. В первой половине XIX в. кабардинцы жили большими трехпоколенными семьями. Если предположить, что дворянская часть карамурзинцев с мобилизационным ресурсом в 20–25 воинов вместе с женщинами, стариками и детьми достигала численности в 100–120 человек, то общая численность жителей селения Али Карамурзина могла составлять 300–350 человек или 8–9 человек на двор. Причем две трети карамурзинцев, даже совершеннолетние мужчины, судя по отсутствию у них какого-либо оружия, представляли из себя демилитаризованную крестьянскую массу, которая могла противостоять штурмующим войскам только подручными средствами. Тем не менее, даже среди казаков, которые совершенно не упоминаются в текстах «Сетования/Оплакивания лабинцев» в качестве активных участников боя, по свидетельству В.А. Потто, двое оказались убиты и один ранен [Утверждение 1904: 193; Народные песни 1990: 242–265; Адыгские песни 2014: 68–71, 99–109]. Каковы были потери регулярной пехоты, очевидно составлявшей передовые части штурмующих, А.А. Вельяминов, а вслед за ним и В.А. Потто, естественно, умалчивают, но они объективно должны были быть многократно выше, чем у казаков.

Значительное несоответствие числа пленных, указанное В.А. Потто (139 человек против 169 из османского источника), легко объяснимо обстоятельствами разгрома хаджиретского селения. Сам А.А. Вельяминов описывает картины штурма разоренного аула как явный очевидец: «К сожалению, ... погибло много простого народа, женщин и детей. Всеобщий испуг был тому причиною. Все жители без памяти бросились под защиту вооруженных, и казаки, сражаясь с ними последними, невольно убивали и тех, коих желательно было спасти. Многие, изыскивая средства к спасению, старались перебежать на другую сторону Лабы, но быв увлечены быстротою воды, утонули (курсив наш – Ред.)» [Утверждение 1904: 195]. Информаторы закубанских кабардинцев, предоставляя свои данные османским властям, не могли точно знать кто погиб в волнах Лабы, а кто попал в плен. Всех, чьи тела не нашли, и не опознали на месте погрома они имели основания посчитать попавшими в плен.

Таким образом, в трагической истории о разорении селения Али Карамурзина нет места фантазиям о «целом городе» в 200–250 домов, уничтоженном лихой атакой горстью казаков во главе с Ф.А. Бековичем-Черкасским. Реальность гораздо более сурова и прозаична. Ранним утром 5 апреля 1825 г. показательно, очевидно с целью устрашения и подавления воли к сопротивлению всей хаджиретской Кабарды, после артиллерийского обстрела начался штурм селения Али Карамурзина примерно в 40 дворов. В ходе штурма было уничтожено все взрослое мужское население (среди пленных мужчины не упоминаются), потенциально способное к активному сопротивлению, а также погибла значительная часть стариков, женщин и детей. Количество погибших, принимая во внимание размеры селения и численность его жителей могло простираться, на наш взгляд, до 200–250 человек. Уцелевшие женщины и дети, всего 139 человек, попали в плен. Возможно, даже богатая добыча, захваченная в этом деле, не компенсировала в глазах А.А. Вельяминова несообразности организационных усилий и привлеченных войск – три батальона (т.е. до двух тысяч – Ред.) пехоты при 18 орудиях, 350 казаков, с относительно скромными фактическими успехами предпринятой экспедиции. Что и вынудило создать легенду

о «страшном разгроме», учиненном кабардинским хаджиретам их единоплеменником, природным кабардинским князем на русской службе Ф.А. Бековичем-Черкасским. Однако Александр I не оценил масштаб и красоту сюжета и отказал Ф.А. Бековичу-Черкасскому в награде, к которой он был представлен за свой «подвиг» А.А. Вельяминовым и А.П. Ермоловым, мотивировав отказ тем, что истребление «...трехсот семейств, из коих большая часть была женщин и детей ... не соответствует всей точности повелений» российского императора [Утверждение 1904: 196].

Список источников и литературы

АБКИЕА 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.

Адыгские песни 2014 – *Адыгские песни времен Кавказской войны*. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.

ДГАОА – Дирекция государственных архивов (Османский архив). Стамбул.

КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I*. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II*. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.

Материалы 1986 – *Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века*/Составление, введение и примечания Х.М. Думанова. Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1986. 320 с.

Мирзоев, Чанак 2022 – *Мирзоев А.С., Чанак М-Р.К.* «Вольные кабардинцы» в контексте русско-турецких и османско-черкесских отношений первой половины XIX столетия на основе российских и османских источников//Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 69–87. DOI:10.31143/2542-212X-2022-4-69-87. – EDN: EKRGKJ.

Народные песни 1990 – *Народные песни и инструментальные наигрыши и адыгов*. Т. 3. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т.; Т. 2. Ермоловское время. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 588 с.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.

Утверждение 1904 – *Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 2*. Тифлис: Типография Кавказского военного округа, 1904. 628 с.

Janak 2022 – *Janak Mehmet Riza*. Kabarda'nın Bitmeyen Mücadelesi ve Bir Sürgünün Anatomisi. Ankara: Kuban Matbaacılık Yayıncılık, 2022. 244 с.

References

Direksiya gosudarstvennyh arhivov (Osmanskiy arhiv) [Directorate of State Archives (Ottoman Archive)]. Stambul.

Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / *sost., red. perevodov, vved. i vstup. stat'i k tekstam V.K. Gardanova*. Nal'chik: Jel'brus, 1974. 636 p. (In Russian)

Adygskie pesni vremen Kavkazskoj vojny [Adyghe songs from the time of the Caucasian war]. Nal'chik: Pечатnyj dvor, 2014. 656 p. (In Russian)

JANAK MEHMET RIZA. *Kabarda'nın Bitmeyen Mücadelesi ve Bir Sürgünün Anatomisi* [Kabarda's Endless Struggle and the Anatomy of an Exile]. Ankara: Kuban Matbaacılık Yayıncılık, 2022. 244 p. (In Turkish)

MIRZOEV A.S., CHANAK M-R.K. «Vol'nye kabardincy» v kontekste russko-tureckih i osmano-cherkesskih otnoshenij pervoj poloviny XIX stoletija na osnove rossijskih i osmanskih istochnikov [«Free Kabardians» in the context of Russian-Turkish and Ottoman-Circassian relations of the first half of the 19th century based on Russian and Ottoman sources] // *Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija»*. 2022. № 4. С. 69–87. DOI:10.31143/2542-212X-2022-4-69-87. – EDN: EKRGKJ.

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. I. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 424 p. (In Russian)

Materialy Ya.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardincev pervoj poloviny XIX veka [Materials by Ya.M. Shardanov on the customary law of the Kabardians of the first half of the 19th century / Sostavlenie, vvedenie i primechanija H.M. Dumanova. Nal'chik: Izd-vo Jel'brus, 1986. 320 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. T. 3. Ch. 2. [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs. Vol. 3. Part 2.] M.: Sovetskii kompozitor, 1990. 488 p. (In Russian).

POTTO V.A. *Kavkazskaya vojna: V 5 t.; T. 2. Ermolovskoe vremya* [Caucasian War: In 5 volumes; V. 2. Ermolov time]. Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. 588 p. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maykop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze. T. 3. Ch. 2. [Establishment of Russian rule in the Caucasus. Vol. 3, Part 2]. Tiflis: Tipografija Kavkazskogo voennogo okruga, 1904. 628 p. (In Russian)

Информация об авторах

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории;

М.-Р.К. Чанак – независимый исследователь, выпускник факультета географии, языка и истории Университета Анкары (Турция).

Information about the authors

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History;

M.-R.K. Zhanak – independent researcher, graduate of the Faculty of Geography, Language and History of Ankara University (Turkey).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024, одобрена после рецензирования 21.10.2024, принята к публикации 15.11.2024.

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 15.11.2024.